

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

“ПОЭЗИЯ МОЯ ПРОСТА, КАК ХЛЕБ С ВОДОЙ...”

Два года назад в сентябре, через несколько дней после своего 95-летия, ушёл из жизни поистине народный поэт Виктор Боков.

Дальневосточный город. Лютая зима. Незабываемое детство.

На окне – замысловатые узоры, нарисованные морозом. За окном – ранняя вязкая тьма, посвисты метели. Но потрескивает огонь в печи, и от этого в нашей тесной кухоньке тепло и уютно.

У печи хлопочет бабушка, жарит на ужин любимые мной пирожки с капустой.

Тихо мурлычет репродуктор. Задушевный женский голос заводит песню:

*В этой вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.*

Бабушка добавляет громкость и, не переставая стряпать, внимательно слушает.

Я знаю, она родилась на Волге, в Самарской губернии, это совсем недалеко от Оренбуржья. А дедушка и вовсе был из-под Оренбурга. В военное лихолетье судьба занесла их на Дальний Восток, да так и остались здесь. Но дедушки уже нет... А у бабушки от песни на глазах посверкивают слезинки.

В детстве я думал, что песня “Оренбургский платок” была всегда, что она – народная, и только став взрослым, узнал: автор слов – поэт Виктор Боков. И, конечно, я не мог и предположить, что не однажды встречу с Виктором Федоровичем.

1

Осенью 1992 года я впервые оказался в Доме творчества писателей в Переделкине.

Перед ужином вышел в “предбанник”, где был городской телефон. Здесь же стояли старый диванчик и несколько кресел, покрытых кожей. На нём классики и неклассики отечественной литературы дожидались очереди, чтобы позвонить, и просто отдыхали, беседуя.

Бухнула входная дверь, и в Дом творчества вошел мужчина в ладно сидящем на его фигуре плаще, на голове — большая, я бы сказал, модная шапка. Он был явно в возрасте, но пожилым никак нельзя было назвать: движения быстры, глаза светились. Когда же заговорил бодрым, задорным голосом, вопрос о его летах вообще исчез из моей головы.

Пришедший поздоровался со всеми, кому-то пожал руку. Кресла были заняты, и он присел на диванчик около меня, предварительно стряхнув дождевики с плаща и сняв кепи. Волосы были с густой сединой, но прическа ещё довольно буйная.

— Откуда приехал? — спросил он меня.

— Из Белгорода.

Глаза собеседника еще более оживились.

— А я у вас бывал! В шестидесятых годах меня приглашал Белгородский пединститут. Такие теплые встречи были! Я — Виктор Боков, — и поэт протянул руку в знак знакомства.

Уже не помню, в тот ли день или в другой, Виктор Федорович оказался в моей комнате, много рассказывал, читал стихи. Попросил почитать и меня. От волнения строку своего стихотворения “Мать и сын” я прочитал так: “Сгубил березу — больно вкусен сок”. Поэт сказал: “Сладок сок” будет точнее”. А у меня так и было написано.

А вот в стихотворении “Под Рождество” Виктор Федорович подсказал последнюю строку. У меня было:

*Дай-кошь в хате подмету:
Ежели пожалует
Ненароком ночью смерть,
Так и быть, приму.*

Поэт посоветовал сделать: “В чистоте приму”. В такой редакции “Под Рождество” и печаталось потом в журналах и книгах.

На следующий день в Переделкино приехал руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов. Я рассказал, что познакомился с Виктором Боковым. “Давай пригласим его к нам на Дни литературы”, — загорелся мой друг. И на следующий день к полудню мы направились к поэту.

Небольшой бревенчатый двухэтажный дом, покрашенный в зеленый цвет, с островерхой крышей. Невысокий забор из досок. Сад с яблонями, на которых кое-где еще краснели плоды.

Нас встретила хозяйка — приветливая, словоохотливая, русской, хотя уже и осенней, красоты. Я знал, что её зовут Алевтина Ивановна. Дело в том, что когда-то я приобрел сборник Виктора Бокова “Алевтина”, в котором все стихотворения были об этой женщине. Также помню, какое душевное неприятие вызвала у меня публикация об этой книге в одном столичном журнале, кажется, в “Новом мире”. Она была написана от имени так называемых читателей, хотя явно организована, возмущавшихся, что-де в наше бурное время строительство коммунизма поэт сюсюкает по поводу чувств, недостойных этих самых строителей.

Алевтина Ивановна провела нас в столовую. По деревянным ступенькам со второго этажа, видимо, из рабочего кабинета спустился Виктор Федорович. Поздоровался. Воскликнул:

— О, гости из Белгорода!

Тут же на столе появилась ваза с яблоками, банка с медом. Хозяйка поставила перед нами чашки с пахучем чаем.

Поэт расспрашивал о Белгороде, о легендарной Прохоровке, еще раз вспомнил поездку в наш край. А вот на Дни литературы приехать отказался, сославшись на занятость и здоровье.

Расставаясь, он подписал мне и Володе по новой книжке “Стою на своем!”. На моем экземпляре такие слова: “Валерию Черкесову — коллеге, пришедшему в мой дом, знающему мои стихи”.

Рассказал поэт и как эта книга вышла. В то время государственные издательства уже разваливались, и сборник увидел свет благодаря почитателям творчества Виктора Федоровича. Какой-то предприниматель, кажется, из Сергиева Посада — родины Бокова, вложил в издание деньги и весь пятитысячный тираж подарил автору.

“Стою на своем!” я прочитал в тот же вечер. Ни в одной из предыдущих книг не было так много биографических подробностей — о пребывании в ГУЛАГе, куда Виктора Бокова сослали по ложному обвинению, о дружбе с Андреем Платоновым, о проводах Марины Цветаевой в Елабугу, о поддержке его, молодого поэта, Борисом Пастернаком, о любви к поэзии Сергея Есенина... А еще вот о чем, — несмотря ни на какие удары судьбы, поэт говорит:

*И, однако, я пел Россию,
Был готов ей во всем помогать.
Если рухну и руки раскину,
Я не буду её ругать.*

И о том, как он определяет свое творчество:

*Поэзия моя проста, как хлеб с водой,
Как самые привычные понятия.*

В “Литературной России” в одном из летних номеров за 1994 год была напечатана подборка Бокова. Открывалась она стихотворением “На Прохоровском поле”:

*На Прохоровском поле — зелено!
Мир, тишина. Душа пришла в восторг.
Горохом ныне поле всё засеяно,
Где кровь лилась — растение растёт.
Я радуюсь и плачу, стоя на поле,
Где было столько крови и потерь.
Та девочка, которая здесь плакала,
Жива! И внуков пестует теперь.
Жив тот танкист, который был в сражении,
Сирень бушует у его крыльца.
Он косу взял при мне и с уважением
Пошел косить, лишь пот летит с лица.
О, Русь! Ты трижды рублена и латана.
Твой путь равнинный непомерно крут.
Но ты не любишь хныканья и ладана.
Едва из боя, ты скорей за плуг!*

Когда я прочитал, то почему-то подумал: а не написалось ли это стихотворение под впечатлением той нашей встречи в Переделкине?

2

Будучи в Москве осенью 1999 года, я купил в магазине на Арбате небольшой сборник Виктор Бокова “Стихи из Переделкино”, изданный к 85-летию поэта. С удовольствием читал серьезные и озорные строки, дышащие душевным здоровьем и молодостью. Предисловие к книге написал поэт Александр Бобров, который неоднократно бывал на Белгородчине. Приятной неожиданностью было и то, что оформил издание известный фотохудожник, уроженец Белгородчины Павел Кривцов. Что еще удивительно: снимки он сделал 5 августа 1999 года — значит, очередную годовщину освобождения Белгорода от немецко-фашистских захватчиков Павел отмечал вместе с Виктором Федоровичем на даче поэта.

О “Стихах из Переделкино” я написал в областной газете “Смена”, напечатал в ней и стихи Бокова, а номер с публикацией отправил поэту. В конверт вложил и свою книгу “Крестный путь”. Через какое-то время пришло письмо, напечатанное на старенькой машинке с западающими буквами, тщательно направленное шариковой ручкой. Привожу его с небольшими сокращениями:

“Дорогой Валерий!

Твоя бандероль принесла мне радость. Я раскрыл книгу, подаренную мне, сразу всю её пролистал, везде с ходу “попробовал” и понял, что это настоящее. Я так расволновался, что сразу написал ответ в стихах.

Рецензия, вернее, боковское “окошечко” получилось очень емко и убедительно. И выбрал ты то, что надо.

Конечно, я прочту всю книгу внимательно и ответственно. Я предвкушаю, что она прозвучит для меня трубным призывом в поход.

Я активно каждый день пишу. Пишу без оглядки и страха. Чего мне теперь бояться, если я и при Сталине не струсил и в застенке писал, и бродя после отбытия срока по Руси, не кривил душой. Премий у меня никаких, но люди на мои вечера ломаются. Это и есть моя премия.

Вот-вот сдам новую книгу, для которой придумал неожиданное название: “Стихи от Виктора Бокова – для вас”.

Спасибо за книгу.

Счастья, работы в новом году!

Обнимаю как друга!

Твой, ваш Виктор Боков”.

В конверте был еще один лист со стихотворением. Вот оно:

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Валерию Черкесову

*Мне приснилась божья милость,
Кто-то горсть орехов дал.
Это ты ко мне явилась?
— Милый! Ты не угадал!
Ангел пролетал над крышей,
Я спала и ты дремал.
Хорошо, сосед наш вышел
И для нас подарок взял.
Сели мы. Грызем орехи,
А тужили: нет нам льгот!
Доброта, надев доспехи,
Вместе с рыцарем идет!*

28 января 2000 года.

Не ведаю, печаталось ли это стихотворение в каких-то книгах, — я не встречал. Письмо Виктора Федоровича я время от времени перечитываю: не так-то часто доводилось и доводится слышать добрые слова о том, что делаю, чем живу.

В свою очередь я откликнулся на стихотворение, посвященное мне. Вот что написалось:

*На даче у Бокова яблони рясно цветут,
И воздух пьянит, голова просветленно кружится.
Здесь вольные птицы нашли и покой, и приют,
И, благодаря, заливаются звонкие птицы.*

*И годы, и беды хозяина гнут не согнут...
Запомню поэта улыбчивым, гордым и статным.
На даче у Бокова яблони рясно цветут,
И значит, по осени быть урожаю богатым.*

3

Так получилось, что о творчестве Виктора Бокова нет серьезных и обстоятельных исследований. По крайней мере, мне таковые не попадались. Даже Владимир Бондаренко в своих книгах “Серебряный век простонародья” и “Последние поэты империи”, как бы итожащих советский период литературы, не удосужился написать об истинно народном поэте.

Редко его книги выпускаются да малыми тиражами. До провинции они не доходят. А ведь поэзия, которая проста, как хлеб с водой, в первую очередь

необходима тем, кто возделывает “хлеб” в многозначном понятии этого слова – народу, им будет воспринята и оценена.

Впрочем, такое невнимание критиков и издателей объяснимо: в советские времена боковские песни, и не только “Оренбургский платок”, но и “На побывку едет молодой моряк”, “Лён, ты мой лён” и многие другие, широко исполнялись, они пелись народом, но поэт не был близок к писательской верхушке, не являлся с сильными мира сего, а значит, не получал ни наград, ни премий. Критика его порой называла частушечником, а то и еще уничижительней – балалаечником. Ныне о поэте писали и пишут его ученики и те, кого он поддерживал в творчестве и жизни: Лариса Васильева, Валентина Коростелева, Станислав Куняев, Владимир Дагуров, Геннадий Красников, Александр Бобров и другие. В свое время я слышал самые теплые слова о Викторе Федоровиче от поэта Бориса Примерова, который прекрасно знал современную поэзию. А уж в чём, в чём, но в неискренности и подобострастии Примерова заподозрить было нельзя.

Запомнился мне и разговор в начале 90-х с поэтом Николаем Старшиновым в редакции редактируемого им тогда молодогвардейского альманаха “Поэзия”. Когда я рассказал Николаю Константиновичу о своем знакомстве с Виктором Федоровичем, мой собеседник выразился примерно так: “Боков – поэт, рожденный самой природой. Он, как стихия, неудержимая, изумительная, порой непонятная. Принесёт в альманах десяток стихов. Из них пять плохих, три хороших, два гениальных. Вот по этим двум и надо судить о его таланте”.

Возможно, я несколько ошибся в названном количестве плохих, хороших и гениальных стихов, но за точность оценки, данной Старшиновым, ручаюсь.

В той же книге “Стою на своем!”, подаренной мне поэтом, среди стихов разных вдруг блеснет поистине лирическая жемчужина:

*Становлюсь я всё проще и проще,
Все бесхитростней день ото дня.
Не поэтому ль иволга в роще
Останавливает меня!*

*— Далеко ли? — Да вот за грибами,
Встал, поел, прихватил кузовок.
Стал беседовать с лесом, с ручьями,
Ни словечка от них — на замок.*

*Птица иволга мило на дереве
Разговаривает кивком:
— А грибы твои в ивовом тереме
Как жар-птица с Иван-дураком!*

*— Я и сам, дорогая, Иванушка,
Простофилюшка-простота.
Все богатство мое — полянушка,
На которой растет красота.*

*Грузди белые, рыжики рыжие
И лимонная прожелть ояты.
А еще сыроежки бесстыжие
Как окрашенные стоят.*

*Кузовок наполняется дивом,
Даровщиною, чудом лесным.
Пахнет хлебом печёным и дымом,
Пахнет печкою, домом родным!*

Вот поэзия, как говорится, высокой пробы. А наивысшая награда поэту – поистине вселюдская любовь: его песни, его стихи ушли в народ и стали частью нашего народа.

г. Белгород